

дены до такого противорѣчія здравому человѣческому чувству и разуму, что люди не могутъ» будто бы «вѣрить въ нихъ». «Люди», моль, «устами могутъ повторять извѣстныя слова, но не могутъ вѣрить въ то, что не имѣеть»-де «смысла»... (чит. Толстого: *«Что такое религія и въ чёмъ ея сущность?»* Изд. «Свободного Слова», № 75. A. Tchertkoff. Christchurch, Hants, England, 1902. Стран. 19—20). Не видно ли отсюда уже, какимъ членомъ Церкви является яспополянскій мудрецъ, съ такою «сыновнею» (!!) любовью и съ такою «почтительностью» (!) и «крутистю» (!) относящейся къ «никейскому символу»?.. Да,—это всѣмъ достаточно видно, кромѣ развѣ слѣпыхъ его—графа — почитателей, которые, не имѣя понятія ни о дѣйствительномъ графскомъ ученіи, ни тѣмъ болѣе обѣ ученіи Церкви, съ развязностю утверждаютъ, что Толстой—истинный-де христіанинъ и «отлученія» отъ Церкви не заслуживалъ. И мы-де такие же христіане,—съ откровенностью заявляютъ они..., съ чѣмъ ихъ и поздравляемъ, не мѣшай въ то же время имъ быть и такими же, какъ Толстой, филологами, разсуждающими «обѣ употребленіи ut въ условныхъ» (?) «предложеніяхъ» (Толстого: *Крейцерова соната съ Послѣсловіемъ*). По исправленной рукописи изд. М. К. Эллидина; Genève, 1890; стр. 19) и изучающими христіанскую догматику при помощи руководствъ по «литургикамъ и гомилетикамъ» (см. графскую *«Критику Догматического Богословія»*), представляющимъ графу чѣмъ-то въ родѣ «жупеловъ»... «Вѣра, которую исповѣдуетъ наша іерархія», говорить Толстой, «есть не только ложь, но и безнравственный обманъ. Въ православномъ вѣроученіи» будто бы имѣются, по графскому заявлению, «самыя непонятныя, кощунственныя и безнравственные положенія, не только не допускаемыя разумомъ, но совершенно непостижимыя и противныя нравственности» (Толстого: *«Изложение Евангелія съ примѣчаніями»*... Издан. «Свободного Слова», № 61. A. Tchertkoff; Christchurch, Hants, England. 1901. Стр. 105). Хорошъ, однако, христіанинъ! Впрочемъ, всѣ его эти и другія заявленія обычно остаются лишь простою клеветою, какъ ничѣмъ не подтверждаемыя и не доказывааемыя, такъ какъ едва ли для кого окажется достаточнымъ однихъ голыхъ графскихъ ругательствъ и едва ли кто не потребуетъ въ данномъ случаѣ чего-либо болѣе убѣдительнаго? А этого-то послѣдняго Толстой и не собирается давать... ни здѣсь, ни послѣ.